

УДК 343(091)

П. Н. Ременных

Институт переподготовки и повышения квалификации
сотрудников ФСБ России
Красный просп., 84, Новосибирск, 630091, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsu.ru

УПРОЩЕННЫЕ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА XVI-XIX ВВ.

Первые упоминания об элементах упрощения уголовного судопроизводства в русском уголовном процессе восходят к периоду образования и укрепления русского централизованного государства, однако, ни в раннефеодальной «Русской правде», ни в Судебнике 1497 г. об упрощенном уголовном судопроизводстве ничего не говорилось. И только в Судебнике 1550 г. появляется норма, свидетельствующая, по нашему мнению, о зарождении данного правового института. В частности ст. 25 этого законодательного акта, регулирующего уголовно-процессуальные вопросы, гласит: «... А который ищеа взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и бесчестие на нем взятии, а в пене, посмотри по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити; а скажет, что грабил, а не бил, и на том грабеж доправити, хто скажет грабил; а в пене, посмотри по человеку, что государь укажет; а в бою суд и правда. А в ыных делех судити по тому ж: **кто в чем скажется виноват, то на нем и взяти**; а в пене что государь укажет, посмотри по человеку; **а в достали суд и правда, крестное целование**» [4. С. 101].

Данная норма говорит о том, что, если в ходе проверки заявления потерпевшего о грабеже и нанесении ему побоев ответчик подтверждает факт нанесения побоев, но не признается в совершении грабежа, то тогда ответчика признают виновным по факту нанесения побоев и выносятся обвинительный приговор. Что же касается эпизода грабежа, в котором ответчик не признается, то здесь закон обязывал проводить судебное разбирательство в обычном порядке. Из содержания приведенной статьи становится ясным, что

после признания обвиняемого в совершении того или иного преступления дальнейшие следственные действия по расследованию преступления не проводились, то есть фактически задействовано правило упрощенной формы уголовного судопроизводства. Но также необходимо отметить и то, что признание обвиняемого в совершении одного преступления одновременно не влекло за собой обвинение и по другим инкриминируемым ему преступлениям.

Следующие упоминания об упрощенной форме уголовного судопроизводства можно обнаружить в двух главах Соборного Уложения 1649 г. Так гл. 10 «О суде» этого нормативного акта содержала в себе статью 136, из которой следовало: «А будет кто на ком учнет искати бою и грабежу, и ответчик в бою не запрется, а про грабежь скажет, что не грабил, и на нем велети исцу за увечье и за бесчестие доправити против окладу вдвое, а в пене его, что государь укажет. А в грабеже указ им учините по судному делу, до чего доведется. А будет тот ответчик в грабеже не запрется, а про бой во ответе скажет, что он не бивал, и на нем велети грабежь доправити против исковой челобитной и отдати исцу. А в пене тому ответчику, что государь укажет. А в бою указ учинити по суду же, до чего доведется. Да и во иных делех будет кто ответчик на суде против чьей исковой челобитной учнет винитися не во всем иску, и на них велети правити то одно, в чем они учнут винитися, а в чем винитися не учнут, и в том указ чинити по суду же, до чего доведется» [1. С. 121].

Здесь можно увидеть рецепцию уголовно-процессуальной нормы, предусмотренной ст. 25 Судебника 1550 г. – те же участники процесса и то же отношение к признанию обви-

няемым своей вины. Но уже в ст. 58 гл. 21 «О розбойных и о татиних делех» Уложения появляются существенные изменения: «А которого человека приведут с поличным, или по язычной молке, или по лихованным обыском в розбое, или в татьбе, а он на себе в роспросе а не пытан скажет, и того человека пытать в ыных розбоях и в татьбах, и указ ему чинить, до чего доведется» [1. С. 239]. Таким образом, можно увидеть существенное ужесточение уголовно-процессуальных норм. Впервые появляется разграничение в применении упрощенного порядка судопроизводства путем разделения преступлений на категории. Разбой и кража начинают относиться к более тяжелой категории преступлений, нежели, например, грабеж или побои.

Далее закон определяет, что если подозреваемый задержан с поличным, либо по результатам опроса местных жителей, либо по доносу, то он берется под стражу и в его доме производится обыск. Если задержанный незамедлительно дает признательные показания в отношении поличного, то закон обязывает лиц, производящих розыск и дознание, пытать этого подозреваемого с целью получения информации о возможно совершенных им кроме этого кражах и разбоях.

Спустя 20 лет в Новоуказных статьях о татейных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. законодатель начинает уже достаточно подробно регламентировать, как поступать законоприменителю в случае получения признания от обвиняемого. Этот порядок законодатель излагает, как и в Соборном Уложении 1649 г., в двух статьях. Статья 8 гласила: «А приведут татя, а доведут до него одну татьбу, а он в той татьбе в распросе без пытки повинится, и его расспрашивать накрепко и в иных татьбах с пристрастием, а не пытать, и посадить его в тюрьму на две недели; и будет в тех дву неделях будут на него в иных татьбах челобитчики с явными уликами, и его по тем уликам в иных татьбах пытать по Уложению. А будет в тех двух неделях в иных татьбах челобиться с явными уликами на него ни от кого не будет, и ему за первую татьбу учинить наказание, бить кнутом и отсець два пальца меньшие у левой руки, и освободить с порукою, что ему впредь не воровать». Статья 53 определяла, что «которого человека приведут с поличным, а он на себя в роспросе непытан

скажет татьбу, или розбой, и ему указ чинить против осмой статьи» [7. С. 398, 416].

Данные нормы появились в развитие Соборного Уложения 1649 г. и имели своей целью усиление борьбы с преступностью. Здесь впервые законодатель вводит в институт упрощенного уголовного судопроизводства временные рамки, а именно, если подозреваемый задержан и дает признательные показания в совершении кражи, то к нему не применяется пытка, если же он не признается в совершении инкриминируемого ему преступления, то в отношении него, выражаясь современным языком, избирается мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 недели.

Законодатель определял, что если в течение этих двух недель в отношении задержанного дополнительно поступали заявления о совершенных им других преступлениях, то задержанного необходимо было пытать, как предписывалось Уложением 1649 г. Если же заявлений не поступало, то задержанный незамедлительно подвергался наказанию в виде битья кнутом и отсечения двух пальцев на левой руке. Проведение каких-либо следственных действий в двухнедельный срок законодатель не предусматривал, а жесткая норма об обязательном применении пытки (даже в случае получения признания от обвиняемого) сохранялась для категории преступников, которые задерживались с поличным.

Все перечисленные выше уголовно-процессуальные нормы Судебника 1550 г., Соборного Уложения 1649 г. и Новоуказных статей 1669 г. по большей части являлись национальными, сложившимися на протяжении столетий формирования и развития русского государства. Однако начало XVIII века охарактеризовалось глобальными изменениями в укладе жизни Российского государства, которые связаны с правлением Петра Великого. Для того чтобы кардинально изменить государственные устои, Петру I пришлось приложить титанические усилия и привлечь громадные людские ресурсы. В это время на русскую службу поступает огромное число иностранцев, в том числе и юристов. Одним из них был Эрнст Фридрих Кромпейн, ставший впоследствии автором многих положений уголовно-процессуального законодательства эпохи Петра Великого.

Основным нововведением императора Петра I в области уголовно-процессуальных отношений явилось принятие в 1715 г. законодательного акта под названием «Краткое изображение процессов», изданного при Воинском уставе. Положения этого законодательного акта распространялись только на военнослужащих и применялись только военными судами. В гражданском уголовном судопроизводстве по-прежнему господствовали нормы, предусмотренные Соборным Уложением 1649 г. и Новоуказными статьями 1669 г.

Основным разработчиком уголовно-процессуальных норм Краткого изображения процессов стал Кромпейн. Им была проведена рецепция многих уголовно-процессуальных положений из немецкого военно-судебного законодательства и шведского Устава воинского судопроизводства 1683 г. Так ст. 2 гл. 6 «О ответе» Краткого изображения процессов регулировала порядок судебного разбирательства при наличии либо отсутствии признания обвиняемого: «Ответ на три образа утверждается, (1) когда ответчик в жалобе весьма повинитца или (2) во оной весьма запретца, или (3) оную признает, токмо притом такие обстоятельства представляет, по которым дело против челобитчикова доношения не сходно. А ежели он признает дело равно, как на него есть принесена жалоба, то против одного приговор учинен бывает. Бude же он предложит иные обстоятельства, тогда надлежит розыскивать доказанием...» [5. С. 414].

Исходя из содержания данной статьи, можно констатировать, что законодатель определял три вида показаний обвиняемого, при наличии любого из них начинался судебный процесс. Если обвиняемый полностью отрицал обвинение или оспаривал заявление истца, либо приводил какие-либо другие обстоятельства случившегося, несходные с обстоятельствами, предъявляемыми истцом, то законодатель обязывал проводить полноценное судебное следствие. Если же обвиняемый выражал согласие с предъявленным ему обвинением, то закон обязывал судебные органы незамедлительно выносить приговор.

Кроме того, законодатель в Кратком изображении процессов впервые дает интересное и ценное определение собственного признания и определяет условия допустимости

его получения. Это определение содержится в главе «О признании» ч. 2 этого законодательного акта:

«1. Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальняго доказу не требует, понеже собственное признание есть лутчее свидетельство всего света.

2. Но оное признание такое быть имеет:

(1) чтоб признанное в действе всеконечно было;

(2) чтоб оное признание волное было;

(3) и в суде пред судьей учинено, ибо вне суда учиненное признание не имеет за действительно признано быть;

(4) чтоб притом доказать такие обстоятельства, которые б могли быть достоверны, и о правде б не сумневатца.

3. И ежели обстоятельство таким образом изобретено будет, тогда судья не опасается более пристойной на оное дело приговор учинить» [5. С. 415].

Трактовку данной нормы можно найти в монографической работе одного из первых российских процессуалистов, исследовавших и проанализировавших развитие отечественного уголовного процесса, профессора Одесского Ришельевского лицея В. А. Линовского. Комментируя главу «О признании» он отмечал, что «собственное признание приостанавливает отыскание других доказательств, по тому уважению, что собственное признание есть лучшее доказательство всего света. Но для того, чтобы собственное признание было ценно, требуются от него следующие условия: 1) чтобы оно было совершенно сходно с произошедшим действием, 2) чтобы оно было добровольно, 3) чтобы оно было учинено в суде перед судьей, 4) чтобы притом были показаны такие обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине одного невозможно было бы сомневаться» (цит. по: [6. С. 76]).

Следующие упоминания о сокращенном порядке уголовного судопроизводства можно найти в кн. 2 «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах» Проекта уложения российского государства, создание которого историки относят к периоду 1720–1725 гг. Составленная Кромпейном Книга 2, регулирующая уголовно-процессуальные отношения, содержала артикул (статью) 11 «Какие дела бес процесса можно начинать и бес пытки решить», гласившую: «Когда кто в явном злодействе пойман и приведен, и зло-

действие показано будет явно, тогда по объявлению оного дела судья пойманного злодея должен наперед кратко спросить. И если он повинение свое против того принесет, как следует в главе о самовольном признании и повинении, **тогда ординального процесса не требует**. И в таком явном и о правде несомнительном повинении пыткой поступать не надлежит, но следовать роспросом, так, как изображено сей же книги 7 главы» [8. Л. 111]. Здесь можно увидеть, что законодатель, не делая различий в зависимости от тяжести совершенного деяния, устраняет пытку как необходимый атрибут для получения достаточной доказательственной базы, но обязывает судебные органы удостовериться, отвечает ли полученное признание обвиняемого всем необходимым условиям. Седьмая глава той же книги Проекта регламентировала процессуальный порядок производства следственных и судебных действий.

Проект Уложения российского государства включал в себя 4 книги, содержавшие нормы уголовного, уголовно-процессуального и гражданского права. Однако вступить в силу Уложению было не суждено по причине смерти императора Петра I, после которой проект стал невостребованным и лег под сукно. Все последующее столетие, несмотря на многочисленные попытки провести реформирование российской правовой отрасли, абсолютное большинство применявшихся на практике норм относились к числу введенных в эпоху Петра I.

Эпохальным событием в развитии отечественной уголовно-процессуальной сферы явилось принятие в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства. По мнению известного российского процессуалиста М. В. Духовского, это был сложный кодекс, состоявший из нескольких разделов [3]. Кроме того, во многих территориальных образованиях Российской империи законом при разборе дел, ранее подсудных мировой юстиции, стал Кодекс от 12 июля 1889 г. В дополнение к этому Кодексу 29 декабря 1889 г. были изданы Правила производства судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям. Судебные уставы вводились на территории России постепенно с 1864 по 1899 г. [3. С. 12].

Появлению Устава предшествовала многолетняя кропотливая работа, вдохновителем которой был М. М. Сперанский. Реформируя

отечественное уголовно-процессуальное право, Сперанский, являвшийся сторонником французской модели уголовного судопроизводства, перенимал и перерабатывал многие ее положения, вводил новые, ранее неизвестные нормы в российский уголовный процесс. Под его руководством были составлены первое «*Полное собрание законов Российской империи*» в 45 т. (1830 г.), «*Свод законов*» в 15 т. (1832 г.), а также множество других нормативных актов. Как отмечает А. В. Смирнов, в тот период «*российский уголовный процесс всецело отдался французским симпатиям, сохранив от старого порядка доказывания лишь дознание через местных людей*. Пореформенный уголовный процесс России – это почти чистый французский морфологический тип» [9. С. 201]. Новые судебные уставы вводили единую систему судебных учреждений, исходя из формального равенства перед законом всех социальных групп населения, судебные заседания проводились публично с участием заинтересованных сторон, а отчеты о них публиковались в печати. Впервые в истории российского уголовного процесса стороны для защиты в суде своих интересов могли нанимать присяжных поверенных – адвокатов, которые имели юридическое образование и не состояли на казенной службе.

Вместе с тем, несмотря на значительный крен в сторону французской модели, упрощенный порядок уголовного судопроизводства был сохранен и нашел свое отражение в главе 7 «*О порядке производства судебного следствия*» раздела 4 «*О производстве в окружных судах*» Устава. Порядок сокращенного судопроизводства описывался в ст. 680, 681 и 682. Статья 680 гласила: «*Подсудимому, признающему свою вину, предлагаются дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется*». Далее в ст. 681 говорилось о том, что «*если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям*», и, наконец, ст. 682 определяла, что «*судьи, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступает к рассмотрению и проверке доказательств*» [10. С. 186].

Рассматривая данную норму, можно увидеть, что законодатель стал очень требовательно подходить к признанию обвиняемого. Становится мало наличия только признания, суд продолжает задавать вопросы обвиняемому относительно обстоятельств совершенного преступления и, только удостоверившись в искренности последнего и схожести его показаний с другими имеющимися в деле доказательствами, переходит к заключительным прениям, а затем выносит свой приговор.

Взгляд прежних законодательств на признательные показания подсудимого значительно отличался от положений, предусмотренных Уставом. Как отмечал И. Я. Фойницкий, «первоначально суд не оценивал доказательств, приводимых сторонами, а только констатировал их; если же подсудимый сознавался, то не было спора, не нужно было, следовательно, и судебной оценки» [11. С. 267].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. внес кардинальные изменения в данную точку зрения. После введения Устава, по мнению С. И. Викторского, «к сознанию относятся очень осторожно, и сознание, чтобы иметь значение доказательства, должно быть дано без принуждения и подлежит проверке, ... предлагаемые обвиняемому вопросы должны быть кратки и ясны; следовательно не должен домогаться сознания ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами и тому подобными мерами вымогательства» [2. С. 291].

Наиболее полный, на наш взгляд комментарий нормы Устава, раскрывающей порядок сокращенного уголовного судопроизводства, сделал И. Я. Фойницкий. «За прочтением обвинительного акта, – писал он, – подсудимому предлагается вопрос, признает ли он себя виновным; при отрицательном ответе никаких дальнейших вопросов ему не ставят и суд прямо приступает к судебному следствию; напротив, при ответе утвердительном ему предлагаются дальнейшие вопросы по обстоятельствам дела, и если его ответы не возбуждают сомнения, то суд может, не производя судебного следствия за излишеством, перейти прямо к заключительным прениям; однако каждый судья, присяжный, прокурор и участвующие в деле лица, несмотря на сознание, могут потребовать судебного следствия, и такое требование обязательно выполняется» [11. С. 442].

В ходе анализа комментариев Устава таких видных русских процессуалистов начала XX века, как приват-доцент Московского университета С. И. Викторский, и сенатор, профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкий, невольно возникает вопрос, почему они уделяют так много внимания норме, на которую законодатель отвел всего лишь три небольшие статьи? Ответ на этот вопрос дает исследование М. В. Духовского, приводящего впечатляющие статистические данные. В частности, в 1887 г. из 39 тыс. подсудимых в Российской Империи 14 тыс. признали свою вину и были подвергнуты сокращенной форме судопроизводства. Средний же показатель количества обвиняемых, признавших свою вину, в рассматриваемый период колебался в районе 35 % от общего числа подсудимых [3. С. 207]. Таким образом, можно сделать вывод, что в истории российского уголовного процесса институт упрощенного уголовного судопроизводства был неразрывно связан с уголовно-процессуальной оценкой признания обвиняемым своей вины.

Подводя итог, следует отметить, что упрощенная форма уголовного судопроизводства, предусмотренная Уставом 1864 г., применялась судебными органами Российской Империи повсеместно и достаточно часто, а сам Устав уголовного судопроизводства, претерпев ряд изменений и дополнений, действовал в России до октября 1917 г.

Список литературы

Акты Земских соборов // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3.

Викторский С. И. Русский уголовный процесс: Учеб. пособие. М.: Городец, 1997.

Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910.

Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2.

Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4.

Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст, 2001.

Памятники русского права / Под ред. проф. Л. В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. Вып. 7.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 342. Кн. 33. Ч. 2.

Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001.

Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.

Материал поступил в редколлегию
26.04.2006